УДК 821.161.1.09

А.Л. Петрова
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор О.В. Евдокимова

ПОЭТИКА Н.С. ЛЕСКОВА В СОПОСТАВЛЕНИЯХ С ФИЛОСОФСКИМ ДИАЛОГОМ Г.С. СКОВОРОДЫ

Сходство приемов построения текста, которые используют русский писатель-классик Н.С. Лесков и украинский философ XVIII в. Г.С. Сковорода, впервые стало предметом научного внимания. Диалогическая модель, общая для творчества писателя и философа, порождена представлениями о двойственной природе человека и обнаруживает сложную структуру этических понятий.

Поэтика, философский диалог, диалогическая модель, структура этических понятий.

Resemblance between the poetical devices used by Russian classical writer N.S. Leskov and Ukrainian philosopher of the 18th century G.S. Skovoroda became the subject of scientific attention for the first time. The dialogic model that is characteristic of both Leskov's and Skovoroda's poetics is caused by the conception of dual human nature and displays the complicated structure of ethical notions.

Poetics, philosophical dialogue, dialogic model, structure of ethical notions.

Имя украинского богослова, философа и поэта XVIII столетия Григория Саввича Сковороды фигурирует в исследованиях творчества Н.С. Лескова чаще всего в связи с последним произведением писателя, завершенным им за несколько месяцев до смерти и долгое время остававшимся неопубликованным, – повестью «Заячий ремиз. Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов» (1894) [1], [7], [14]. Влияние философских воззрений Сковороды в этом тексте очевидно: в качестве эпиграфа повести предпослана обширная цитата из сочинения украинского богослова, трижды его высказывания звучат из уст персонажей. Внимание писателя к фигуре философа, имя которого ранее не упоминалось в его текстах, совпадает по времени с общественным интересом к наследию Сковороды. По словам сына писателя, А.Н. Лескова, «уже на исходе лет своих Лесков купил и внимательно прочел только что появившуюся в печати книгу Сковороды» [8, с. 462]. Речь здесь идет о первом сравнительно полном и научном собрании сочинений философа, которое подготовил к столетию со дня его смерти, отмечавшемуся в 1894 г., профессор истории Харьковского университета Д.И. Багалей.

Л.И. Левандовский, изучая в 1971 г. записные книжки Лескова [7, с. 127], установил, что, помимо собрания сочинений Сковороды и предпосланного ему критико-библиографического очерка, писатель познакомился с первой частью статьи коллеги Багалея по Харьковскому университету Ф.А. Зеленогорского «Философия Г.С. Сковороды, украинского философа XVIII столетия», напечатанной в майской книжке журнала «Вопросы философии и психологии» за 1894 г. [5]. В этой статье, впервые претендующей на целостный охват философской системы украинского мыслителя, последовательно проводится идея о наследовании Сковородой идей древнегреческого философа Сократа. Часть статьи, которую читал Лесков, содержит две главы, одна из которых – «Сократическая деятельность Сковороды» – касается Сковороды как общественного деятеля и народного мудреца, его личностных идеалов и жизненной позиции, вторая же («Умозрительная философия Сковороды») – представляет собой специальный критический анализ его философской системы. В первой главе украинский философ сравнивается с Сократом, во второй – с автором сократических диалогов Платоном (а также с некоторыми другими древними мыслителями – христианскими апологетами). По наблюдениям Л.И. Левандовского, именно из статьи Зеленогорского Лесков выписывает отрывки сочинений Сковороды, которые впоследствии войдут в повесть «Заячий ремиз». Таким образом, Лескову была известна традиция восприятия Сковороды как «русского Сократа», находящая свое освещение у Зеленогорского и восходящая к статье исследователя А. Хиждеу, опубликованной в журнале «Телескоп» за 1835 г.[1] [16].

Однако, по мнению Н.И. Озеровой, Лесков познакомился с творчеством Сковороды значительно раньше 1894 года. Исследовательница отмечает, что писатель мог слышать о Сковороде и читать его сочинения во время своего пребывания в Киеве в 1850-е гг. Кроме того, «издание в 1861 г. в Петербурге сочинений Сковороды совпало с началом литературной деятельности писателя, а отзывы на это издание появились в „Русском слове“ и „Северной пчеле“ – газетах, в которых активно печатался Лесков» [12, с. 157]. Озерова полагает, что именно Сковорода является прототипом одного из персонажей романахроники «Захудалый род» (1874).

Между тем можно говорить не только об использовании Лесковым идей Сковороды и черт его биографии, но и о сходном типе философствования, лежащем в основании их текстов. Поэтика Лескова уже

[1] Д.И. Багалей и другие исследователи ставят подлинность цитат в статье Хиждеу под сомнение: по-видимому, они сфальсифицированы с целью доказать тезис о сходстве Сковороды с Сократом [2, с. XXIV, XXIX].

сопоставлялась с сократическим диалогом [4], [11], [13], что позволило посмотреть на такой характерный для творчества писателя композиционный прием, как «рамочный диалог», в историко-философской и историко-литературной перспективе, открыть его философский смысл. Таким же продуктивным оказывается и сопоставление с философским диалогом Сковороды, мудреца, который получил устойчивое именование «русский Сократ».

Диалогическая форма изложения философии была наиболее любима Сковородой. В этой форме частично или полностью написаны такие его сочинения, как «Наркисс», «Беседа 1-я, нареченная Observatorium (Сион)», «Разговор пяти путников об истинном счастии в жизни», «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира», «Брань архистратига Михаила со Сатаною о сем: легко быть благим», «Пря беса со Варсавою», «Диалог. Имя ему – Потоп Змиин» и др. Диалог проникает и в поэзию Сковороды (например, «Разговор о премудрости», в котором собеседниками являются человек и мудрость). Ранние диалоги предстают как «документальные свидетельства» бесед философа с его почитателями. За более всех говорящим и поучающим Григорием угадывается сам Сковорода. В поздних диалогах состав участников меняется. Это абстрактные, символические фигуры, например, Сатана и архангел Михаил (в «Брани архистратига Михаила с Сатаною…»), Даймон (бес) и Варсава (в сочинении «Пря беса со Варсавою»), аист и обезьяна (в «Благородном Еродии»), Душа и Дух (в «Потопе Змиином»). Характерно, что в таких диалогах присутствуют, как правило, два собеседника, один из которых предстает причастным истине и истолковывающим ее другому. «Правильному» персонажу принадлежат большей частью обширные монологические реплики, «неправильному» – в основном вопросы и сомнения. Причем заранее предугадать распределение ролей не представляет сложности, и это заставляет некоторых исследователей рассматривать диалог Сковороды исключительно как авторитарную форму изложения готовой истины. Так пишет о нем в монографии «Философские взгляды Григория Сковороды» А.В. Малинов: «Диалоги Сковороды содержат основные признаки диалога катехизического типа: авторитарность истины и провозглашающих ее персонажей, дидактизм, незавершенность композиционной структуры, одномерность персонажей, скупость деталей, эзотерическое восприятие истины новообращенными, априоризм истины. Истину нет смысла искать в диалоге, она уже дана, необходимо лишь ее провозгласить, засвидетельствовать» [10, с. 45].

Но, с нашей точки зрения, диалогичность текстов Сковороды может быть рассмотрена как средство разрешения философского вопроса о принципиальной непримиримости идеала с наличествующей действительностью. О.В. Анкудинова, говоря о повести «Заячий ремиз», именно эту проблему рассматривает как определяющую для всего замысла произведения: «Своим повествованием Лесков как бы пытается разрешить вопрос, где и как соразмерить разумность поведения человека, являющегося, по мнению Сковороды, проявлением духовно-божественного начала на земле, с внешними реальными обстоятельствами, а еще конкретнее – с условиями жизни бюрократического государства, с его социальным неблагополучием и аномалиями нравственно-этических связей» [1, с. 71]. В философской системе Сковороды проблема совмещения идеала и действительности решается при помощи концепции «двух натур» [15, с. 113]. Все материальные, эгоистические устремления соответствуют натуре видимой, человеку же достаточно осознать свою принадлежность духовному миру, переоценить свою жизнь и поступки с точки зрения вечности, вечного существования души – и он станет жить в соответствии с общечеловеческим идеалом. На практике это означает аскетизм, погруженность в размышления о непреходящем, однако отнюдь не предполагает страданий и пессимистического взгляда на реальность. Напротив, духовное созерцание действительности в соединении с пребыванием на «сродственном» конкретному человеку месте представляется философу единственным удовольствием, с которым не может сравниться ни одно из приятных чувств, доступных сознанию, погруженному в чувственный мир. Свое отношение к «наличествующей действительности» Сковорода выразил в сочиненной им для самого себя эпитафии: «Мир ловил меня, но не поймал» [6, с. 412]. «Мир» понимается здесь как мирское, земное, суетное. Иными словами, земное, смертное начало хочет «заглушить» в человеке духовное, автоматизировать его восприятие, отнять свободу воли. Задача же человека, не отказываясь от своей телесности, сохранить и «вторую натуру», которая продолжит существование после физической смерти. Философу недостаточно просто жить с осознанием истинного мира внутри себя, он чувствует необходимость распространять это знание, постоянно обнаруживать, актуализировать, выражать его, поскольку этого требует сама природа нравственного знания. Отсюда проистекает и тяготение к диалогичности, базирующейся на постоянном споре двух начал, присутствующих в каждом человеке, а потому Сковорода считает проблематику своей философии близкой и понятной всякому. Если в диалоге Сковороды возникает спор – это всегда спор между героями, один из которых выражает духовный, а другой – телесный аспекты человека, а соответственно они обладают *двумя принципиально различными точками зрения на мир*. Этот диалог можно было бы назвать авторитарным, он периодически и становится таким, однако обладает одной принципиальной особенностью: точки зрения в нем не отрицают друг друга; если телесная точка зрения ограничена, то духовной доступны оба возможных взгляда на предмет[1]. А потому задача персонажа, обладающего духовной точкой зрения, – открыть для своего собеседника двой-

[1] При этом человек телесный часто предстает у Сковороды как «телесный болван», перед которым необходимо поставить «зерцало», помогающее отделить «внутреннего» человека от «внешнего». В этом смысле характерен эпиграф из сочинений Сковороды, который Лесков избирает для повести «Заячий ремиз».

ственность мира, а после – предоставить ему свободу выбора: сделать «дурной» выбор тот уже не захочет. Таким образом, в теории Сковороды знание о двойственности мира равняется добродетели. И суть учения заключается в характере этого знания, представляющего синтез опыта, логики и иррациональной убежденности.

Философским трактатам Сковороды свойственно использование определенной диалогической модели. Персонаж диалога, постигший духовный мир, провоцирует персонажа, которого он хочет направить к этому знанию, ответить, чего он хочет, о чем мечтает, что считает лучшим и правильным. И когда тот называет что-то преходящее, мелочное с точки зрения вечности, персонаж-учитель неожиданно «переводит» сказанное собеседником на его же язык – на язык смертного мира: собеседник *с удивлением* обнаруживает, что он попросил себе то, что очень скоро пройдет, исчезнет (потому что не учел собственную смертность). Таким образом, помнить о смерти – залог видения двойственности мира.

Рассказ Лескова «Бесстыдник» (1890), как установлено нами, обладает чертами поэтики сократического диалога [13]. Чтобы говорить о диалогической модели, общей для Лескова и Сковороды, обратимся к первоначальной редакции этого рассказа, носившей название «Морской капитан с Сухой Недны. Рассказ entre chien et loup. (Из беседы в кают-компании)» (1877) [9]. Первая редакция состояла из двух частей, обрамленных беседой персонажей и представляющих развернутые реплики-рассказы отставного моряка Порфирия Никитича. Разговор, свидетелем которого становится автор-рассказчик, происходит на только что претерпевшем шторм судне, а предметом его служит то, каким образом море может изменить человека, «исправить современное обмеление чувств, мысли и характера» [9, с. 153]. Большинство присутствующих – «горячие апологеты» моря – доказывают, что оно «воспитывает постоянным обращением в морской жизни» [Там же]. Однако «старик» Порфирий Никитич возражает им, говоря, что достаточно «всех, кто на земле очень обмелел духом, посадить на корабли да вывесть на море», то есть поведение человека и его нравственные ориентиры будто бы зависят от сиюминутных обстоятельств, в которых он оказывается. Такое мнение обескураживает его собеседников («взял человека, всунул его в морской мундир, так он сейчас и переменится»), и они требуют поведать, каким образом рассказчик, известный своей храбростью и безукоризненной преданностью высокому нравственному идеалу, мог придти к такому умозаключению. Первая реплика-рассказ посвящена описанию вечера у генерала Хрулева, на котором Порфирий Никитич вступил в ожесточенный спор с вором-провиантщиком Анемподистом Петровичем, доказывавшим, что «мы (русские люди. – *А.П.*) как кошки, куда нас ни брось – везде мордой в грязь не ударимся, а прямо на лапки станем» и «если бы вышло вдруг, например, такое повеление, чтобы всех нас переставить одного на место другого: нас, например, в траншеи, а вас к поставкам, – то же самое, беспорядка бы не было: мы бы сражались и умирали, а вы бы грабили» [9, с. 159]. Риторическое искусство Анемподиста Петровича оказывается настолько действенно, что все общество на хрулевском вечере охотно соглашается с ним. Более того, сам Порфирий Никитич «нынче часто об этих бесстыжих речах вспоминает» и находит, что бесстыдник был прав. Однако этот рассказ не убеждает офицеров-собеседников Порфирия Никитича, они отказываются согласиться с «бесстыдником» Анемподистом Петровичем. И тогда старый моряк предлагает слушателям вторую часть доказательства своей позиции, уже не теоретическую, а практическую, где на собственном примере обещает показать, как русские «уж очень на все способны». Его история должна продемонстрировать, каким образом трусливого и ни на что не годного маменькиного сынка случайность превратила в честного и храброго морского офицера.

Однако реальный эффект, производимый этим «доказательством», оказывается противоположным. Доказательство превращается в опровержение исходного тезиса о том, что характер человека (в частности, трусость или храбрость) зависит от обстановки, в которой он находится. Рассмотрим механизм этого превращения. Свою былую трусость Порфирий Никитич доказывает повествованием о том, как из-за нее в юности попал на морскую службу. Трусость состоит в том, что в решающий момент, когда он должен был разыграть «спектакль», открывающий ему дорогу к счастливой женитьбе и жизненному благополучию, он «ужасно струсил» и не решился пойти совершить обманный подвиг. Поступок героя действительно обусловлен страхом, но этот страх нельзя назвать трусостью. Когда перед юношей встает выбор: идти на свой показной подвиг или отсидеться на чердаке, – то за этим выбором открываются две перспективы. В одном случае он будет осмеян обществом, *осрамится* и вынужден будет забыть о желанном счастье и покое, в другом – будет осмеян своим дядей (честным моряком) и получит на всю жизнь *пятно на совести* от того, что слова на ордене за храбрость не соответствуют действительности. Останавливает его не просто панический страх, а *раздумье*: «Всю мою решимость раздумьем расслабило: и вижу, что я этого, на что решился, никак не могу!» [9, с. 168]. Струсил герой перед совестью, а не перед общественным посрамлением: «Дальше, чай сами понять можете: в каком положении я очутился после этакого сраму…» [Там же]. Таким образом, проблематизируется понятие трусости: как страх перед людским судом и как страх перед судом совести. Рассказ Порфирия Никитича доказывает как раз не его постыдную трусость, а бесстрашие перед людским судом. Таким образом, двусмысленное,

непроясненное в первой части рассказа понятие стыда (бесстыдник пристыжает честного офицера) раскладывается в финале второй части на два, обусловливающие собой главное сюжетное противоречие, – на совесть и срам.

В толковом словаре В.И. Даля эти два понятия имеют вполне строгое разграничение: «*Совесть* – нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла…». «*Сором* (*срам*) – стыд, позор, поругание, безчестие… укор совести или людей, за нарушение приличия, обычая, или за подлый поступок» [3, с. 256 – 257, 275 – 276]. В рассказе «Морской капитан с Сухой Недны» за этими словами стоят достаточно четкие понятия: «совесть» предстает как ответственность перед своими личными убеждениями (пусть бы они не существовали для окружающих людей), «срам» – как ответственность перед общественным мнением (как бы оно ни соотносилось с личными представлениями о должном и недолжном). Слово же «стыд» стоит особняком, скрывая за собой несколько близких понятий. (Ср. у Даля: «*Студ* (*стыд*) – чувство или внутреннее сознание предосудительного, уничиженье, самоосужденье, раскаянье и смиренье, нутреная исповедь перед совестью; | срам, позор, посрамленье, поругание, униженье в глазах людей…») [3, с. 347]. Именно определение стыда служит для героев точкой преткновения, ведь оно объединяет в себе сразу два понятия: о страхе перед собственной совестью (скрытый, «невидимый» аспект стыда) и о страхе перед людским судом (явный, ощутимый аспект).

Лесков в своем диалоге с читателем совершает операцию, подобную той, что и Сковорода в беседе с «внешним» человеком. Он провоцирует читателя возмущаться тому, что сначала речи Порфирия Никитича названы бесстыдными, а затем его поступок – трусостью. Так проблематизируется двойственность самих понятий «бесстыдство» и «трусость», связанных, с одной стороны, со страхом перед людским судом, а с другой – со страхом перед судом совести (или судом Божьим). Однако обе ипостаси понятия оказываются теснейшим образом связаны, слиты в одном слове – и в сознании людей. Читатель не просто поставлен в ситуацию выбора, он поставлен перед жизненной практикой, в которой понятия перемешаны, и одному человеку не под силу восстановить их значения. Заставить человека осознать сложную структуру этических понятий, бытующих в окружающем его мире, и задаться вопросом о существовании истинных смыслов этих понятий, поискать их в собственном сознании – вот цель диалога, в который вступает автор с читателем и у Лескова, и у Сковороды.

Литература

1. *Анкудинова, О.В.* Лесков и Сковорода (К вопросу об идейном смысле повести Лескова «Заячий ремиз») / О.В. Анкудинова // Вопросы русской литературы. – Львов. – 1973. – Вып. 1(21). – С. 71–77.

2. *Багалей, Д.И.* Критико-библиографическая статья проф. Д.И. Багалея / Д.И. Багалей // Сочинения Григория Саввича Сковороды. – Харьков, 1894. – С. I – CXXXI.

3. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 2006. – Т. 4. – 683 с.

4. *Евдокимова, О.В.* Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова / О.В. Евдокимова. – СПб., 2001. – 317 с.

5. *Зеленогорский, Ф.А.* Философия Г.С. Сковороды, украинского философа XVIII столетия / Ф.А. Зеленогорский // Вопросы философии и психологии. – 1894. – Кн. 23(3). – С. 197 – 234.

6. *Ковалинский, М.И.* Жизнь Григория Сковороды / М.И. Ковалинский // Сковорода Г.С. Соч.: в 2 т. – М., 1973. – Т. 2. – С. 373 – 414.

7. *Левандовский, Л.И.* К творческой истории повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз» / Л.И. Левандовский // Русская литература. – 1971. – № 4. – С. 124 – 128.

8. *Лесков, А.Н.* Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2 т. / А.Н. Лесков; вступ. ст., подгот., коммент. А. А. Горелова. – М., 1984. – Т. 2.

9. *Лесков, Н.С.* Морской капитан с Сухой Недны. Рассказ entre chien et loup. (Из беседы в кают-компании) / Н.С. Лесков; [послесл. Андрея Лескова] // Звезда. – 1938. – № 6. – С. 153 – 169.

10. *Малинов, А.В.* Философские взгляды Григория Сковороды / А.В. Малинов. – СПб., 1998. – 124 с.

11. *Минеева, И.Н.* Жанр сократического диалога в творчестве Н.С. Лескова (на примере рассказа «На краю света») / И.Н. Минеева, Н.В. Годяева // Художественный текст: опыты интерпретации: сб. науч. ст. к 75-летию Карельского гос. пед. ун-та. – Петрозаводск, 2007. – С. 25 – 32.

12. *Озерова, Н.И.* Реальные источники концепции хроники Н.С. Лескова «Захудалый род»: Украинский философ Г.С. Сковорода как прототип Мефодия Мироновича Червева / Н.И. Озерова // Юбил. Междунар. конф. по гуманит. наукам, посв. 70-летию Орловского гос. ун-та: материалы. – Орел, 2001. – Вып. I: Н.С. Лесков. – С. 157 – 164.

13. *Петрова А. Л.* Сократический диалог в интерпретации Н.С. Лескова / А.Л. Петрова // Историческая поэтика и пути изучения и преподавания русской словесности: исследования и материалы. – СПб., 2009. – С. 91 – 104.

14. *Рудометкин, И.В.* Художественная эволюция сказовых форм в творчестве Н.С. Лескова (стилевые аналоги «Заячьего ремиза» и «Очарованного странника»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Рудометкин. – Воронеж, 2008.

15. *Сковорода, Г.С.* Соч.: в 2 т. / Г. С. Сковорода; сост., пер. и обраб. И.В. Иваньо и М.В. Кашубы; вступ. ст. И.В. Иваньо и В.И. Шинкарука. – М., 1973. – Т. 1.

16. *Хиждеу, А.* Григорий Варсава Сковорода. Историко-критический очерк. Отрывок первый. Общее основное понятие о Сковороде, объясненное из его собственного сознания / А. Хиждеу // Телескоп. – 1835. – Ч. 26. – С. 3 – 24, 151 – 169.